

Я.П. Шульгин

**Очерк колийщины по неизданным и
изданным документам 1768 и ближайших
ГОДОВ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Я11

Я11 **Я.П. Шульгин**
Очерк колийвщины по неизданным и изданным документам 1768 и ближайших годов / Я.П. Шульгин – М.: Книга по Требованию, 2023. – 215 с.

ISBN 978-5-518-07406-4

ISBN 978-5-518-07406-4

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О Г Л А В Л Е Н І Е

	СТРАН.
Введеніе.	1
Глава 1-ая. Ватажки и военная организація гайдамакъ	9
Максимъ Желѣзнякъ	11
Семень Неживый	36
Яковъ Швачка	57
Иванъ Бондаренко	73
Гайдамацкіе загоны	84
Глава 2-ая. Крестьяне кіевщины и брацлавщины, какъ главные дѣятели коліивщины	103
Глава 3-ая. Участіе въ коліивщинѣ лѣвобережцевъ, гайдамакъ степей и запорожцевъ	141
Глава 4-ая. Мѣры правительства Рѣчи Посполитой противъ коліевъ	158
Глава 5-ая. Отношеніе къ коліивщинѣ современныхъ ей русскихъ дѣятелей	178

ОЧЕРКЪ КОЛИВЩИНЫ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ И ИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ 1768 И БЛИЖАЙШИХЪ ГГ.

Люблинская унія 1569 года была серьезнымъ шагомъ польскаго королевства на пути стремленій его къ ассимилированію съ своимъ народомъ населенія всего великаго княжества литовскаго, въ составъ котораго входила и южная Русь. Выгоды, которыя давалъ польскій государственный строй, предпочтительно передъ строемъ великаго княжества литовскаго, шляхетскому сословію, неминуемо должны были оторвать отъ всей массы литовскаго и южнорусскаго народовъ не только землянъ, но и важныхъ магнатовъ, членовъ недавней рады литовской,—и они пошли на встрѣчу польскому королю и шляхтичамъ, задумавшимъ подъ видомъ уніи двухъ равноправныхъ государствъ дать повсюду преобладаніе полонизму; изъ нихъ особенно охотно пошли на встрѣчу полякамъ въ данномъ случаѣ панн южной Руси, которая въ значительной своей части была королемъ безцеремонно отдѣлена отъ Литвы и присоединена къ польскому королевству. Послѣ такого разъединенія въ народныхъ массахъ великаго княжества литовскаго, послѣ утраты ими высшаго сословія, и Литва, и особенно литовская Русь не могли уже больше имѣть защитниковъ своей народности, законовъ, обычаевъ и вѣры въ сеймѣ вновь возникшей Рѣчи Посполитой, ибо только шляхтичи и имѣли право быть тамъ послами. Положимъ, личные инстинкты могли иногда побуждать нѣкоторыхъ изъ бывшихъ землянъ и пановъ рады литовской отстаивать ихъ народность, но все же такое отстаиваніе, еслибъ оно было поведено основательно, не могло не идти въ разрѣзъ съ собствен-

пыми ихъ интересами, ибо имъ въ такомъ случаѣ пришлось бы защищать и кинутый строй великаго княжества литовскаго, благопріятный крестьянству и усиленію верховной власти. Оттого то на первыхъ порахъ послѣ люблинской уніи находились еще между магнатами старой рады литовской люди, готовые защищать и поддерживать свою народность и вѣру, но все же при условіи оставленія въ сторонѣ сущности политическихъ порядковъ. Таковъ былъ, на примѣръ, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, извѣстный ревнитель православія и русскаго просвѣщенія. Но чѣмъ дальше, такихъ дѣятелей среди южно-русскаго панства мы встрѣчаемъ все меньше и меньше; въ качествѣ же защитниковъ православія на сеймахъ стали выступать люди вродѣ сперва брацлавскаго, а потомъ кіевскаго воеводы Киселя, о которомъ имѣли полное основаніе говорить въ народѣ, что „у него русскія кости, но только сбросшія польскимъ мясомъ“. Съ конца же XVII вѣка и Киселей не стало.

Не диво, поэтому, что посольство бывшей литовской Руси, не имѣя средствъ къ защитѣ своихъ утраченныхъ правъ и изнемогая подъ гнетомъ грубо крѣпостническихъ порядковъ польскаго королевства, въ составъ котораго ввели большую ея часть тотчасъ послѣ уніи, отдѣливъ отъ Литвы,—не диво, говоримъ, что посольство это при такихъ условіяхъ долго только тѣмъ и могло выражать свой протестъ, что оставляло цѣлыми толпами своихъ помѣщиковъ-шляхтичей. Но, конечно, такой пассивной защитой своихъ правъ цѣлый народъ не могъ ограничиваться сколько-нибудь продолжительное время. Изъ бѣглыхъ хлоповъ скоро южно-русскій людъ превратился въ козаковъ, проживши извѣстное время вдали отъ мѣстъ своей родины на границѣ южныхъ степей, находившихся подъ вѣчной грозой татарскихъ набѣговъ. Отбиваясь тамъ отъ враговъ и продолжая заниматься земледѣльческимъ трудомъ, они именно стали земледѣльцами-воинами, или, какъ тогда говорилось, козаками. Возникло, такимъ образомъ, мало по малу цѣлое новое сословіе, члены котораго нерѣдко съ неблагопріятнаго для шляхтичей опаснаго юга шли жить и въ предѣлы остальной Рѣчи Посполитой, гдѣ козачество сперва не было извѣстно. Чѣмъ дальше, контингентъ этого на-

родившагося въ странѣ сословія все больше и больше разро- стался, ибо козаками оказывались и мѣщане, занимавшіеся рыб- кой и иной торговлей по Днѣпру и въ другихъ неогражденныхъ отъ нападений хищниковъ мѣстахъ; оказывались ими и всякіе раиѣ незакрѣпощенные люди, не внесенные заблаговременно въ сословные кадры Рѣчи Посполитой. Само собою разумѣется, члены такого вновь возникающаго класса людей не могли отказы- ваться отъ привычной для нихъ свободы даже въ случаяхъ по- селенія въ городахъ Рѣчи Посполитой, далекихъ отъ стѣней, а потому всякія попытки старостъ и дѣдичей втиснуть ихъ въ среду паншольства, лишеннаго при польскомъ строѣ даже человѣче- скихъ правъ, они должны были встрѣчать отпоромъ. Когда же случаевъ давать такой отпоръ стало становиться слишкомъ много, тогда протесты отдѣльныхъ лицъ начали превращаться въ про- тесты коллективные—и отсюда-то ведутъ свое начало козацкія возстанія. Собственными желанія козаковъ увеличить численность своего сословія путемъ привлеченія къ себѣ хлопковъ и стремле- ніе этихъ послѣднихъ путемъ перехода въ козаки избавиться отъ крѣпостническихъ условій существованія—все это естественно должно было установить ту солидарность между этими двумя народными группами, результатомъ которой явилась всегдашняя готовность ихъ къ взаимной поддержкѣ и защитѣ. Козацкое знамя стало, такимъ образомъ, знаменемъ всего южно-русскаго народа, и борьба, которая велась козаками съ Рѣчью Посполи- той, мало по малу стала борьбой не за интересы одного козац- каго сословія, но за всю Русь, за ея вѣру и народность. Бог- давъ Хмельницкій выступаетъ удачнымъ образомъ именно за интересы всего южно-русскаго народа, и если подчасъ ему до- водилось, прибѣгая даже къ смертной казни, проповѣдывать не- счастливымъ хлопамъ истину „нехай кожний зъ свого тишитъ ся, нехай кожний своего глядыть“ и вслѣдъ затѣмъ загонять ихъ къ панамъ, то это были моменты временные, слѣдовавшіе за случайными неудачами козаковъ на войнѣ и за побѣдами Польши¹⁾, но никакъ нельзя думать, что и стремленія великаго козацкаго вождя были въ духѣ приведенной истины. Послѣ него отчетли-

¹⁾ Костомаровъ. Богдавъ Хмельницкій т. III, стр. 37.

вость цѣлей козацкой борьбы съ Польшей спуталась; среди сложныхъ политическихъ условій существованія въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. козачество много металось изъ стороны въ сторону, по крайней мѣрѣ на правомъ берегу Днѣпра, отошедшемъ по Андрусовскому договору (1667 г.) снова къ Польшѣ. Ни Дорошенко, ни Палій съ Самусемъ и другими не были въ состояніи вернуть козачеству силы и значенія, какія имъ были пріобрѣтены при Хмельницкомъ, и въ концѣ концовъ козачество на правомъ берегу Днѣпра исчезло, не докончивъ своей задачи вызволенія себя и посполства южной Руси изъ-подъ гнета полонизма и церковной уніи. Результатомъ борьбы была въ концѣ концовъ „руина“ Украины и брацлавскаго воеводства.

По жизнь южно-русскаго народа, въ предѣлахъ даже истерзанныхъ войною областей, не прекратилась окончательно во время руины. Мало-по-малу области эти, хозяевами которыхъ, въ силу Прутскаго договора Петра I съ Турціей, считали себя поляки, стали заселяться русскимъ крестьянствомъ, стекавшимся сюда и съ запада—изъ Волыни, Подолія и Червоной Руси, и съ востока—изъ гетманщины. Тяжелыя экономическія и общественныя условія въ той и другой сторонѣ заставляли ихъ идти въ опустѣлый край съ благодатною землей. Но здѣсь ихъ вновь должны были сдавить рамки польскаго общественнаго строя. Земли, ими заселенныя, въ большинствѣ случаевъ были во владѣніи шляхтичей. Шляхтичи же эти, какъ только стихъ шумъ войны, тотчасъ явились въ свои помѣстья и немедленно предъявили поселившимся тамъ крестьянамъ условія, при соблюденіи которыхъ они могли пользоваться панскими землями. Условія эти на первыхъ порахъ были довольно выгодны для крестьянства, но въ концѣ концовъ, послѣ льготныхъ лѣтъ, все же они должны были дать въ результатъ прочный крѣпоствическій строй. вмѣстѣ съ тѣмъ не могло не начаться вновь и гоненіе на православіе въ пользу уніи. Давній порядокъ шляхетско-католической Рѣчи Посполитой, такимъ образомъ, вновь получалъ господство въ южной Руси,—а поэтому крестьянству послѣдней вновь должны были понадобиться защитники, которые могли бы хоть

отчасти замѣнить козачество, исчезнувшее на правомъ берегу Днѣпра. Такіе защитники и явились.

Съ легкой руки польскихъ мемуаристовъ обыкновенно этихъ новыхъ защитниковъ русской народности и православія величаютъ *гайдамаками*, а все движеніе, ими вызванное и тянувшееся хронически въ теченіе всего XVIII вѣка, — *гайдамачествомъ*. Основаніе для этого существуетъ, но все же въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ кличкой не вполне точной, перенесенной съ понятія болѣе узкаго на гораздо болѣе широкое и даже не однородное. На самомъ дѣлѣ гайдамаками называли издавна своего рода отщепенцевъ грубо сбитаго общественнаго польскаго строя, людей, для которыхъ и пребываніе въ козачествѣ могло быть стѣснительнымъ—и въ силу разнужности ихъ инстинктовъ, и въ силу несочувствія ихъ идеаламъ козачества; иначе, конечно, къ нему они могли бы пристать. Самое названіе „гайдамака“, въ основѣ котораго лежитъ турецкій глагольный корень „гада“, должно было издавна означать, соотвѣтственно смыслу корня, людей, приводившихъ общество въ смущеніе, безпокойство, движеніе ¹⁾. Особенно много шло въ гайдамаки забужанъ и подиѣстрянь, отличавшихся по свидѣтельству Костомарова приверженностью къ буйству и неповиновенію. Шайки ихъ въ томъ краѣ назывались еще въ XVII столѣтіи ватагами левенцевъ и вполне были аналогичны *опришккамъ* Червоной Руси, въ составъ которыхъ тоже входили непокорные хлопы, а часто и свободные карпатскіе горцы. Силами этихъ, подчасъ вполне разбойничьихъ, шакъ во времена Хмельницкаго воспользовался народный герой Нечай ²⁾. Но въ теченіе долгаго времени они не фигурировали на историческомъ поприщѣ того времени: массы хлоповъ и козаковъ затирали ихъ своею численностью. Тѣмъ не менѣе ихъ не убывало; съ конца же XVII вѣка ряды ихъ даже стали значительно пополняться. Такъ, послѣ крестьянскаго возстанія 1702 года многіе изъ крестьянъ Подолин и Брацлавщины, гдѣ былъ центръ этого движенія, уходили въ *левенцы* или гай-

¹⁾ Антоновичъ. Исслѣдованіе о гайдамачествѣ стр. 10.

²⁾ Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій. Т. II, стр. 216—217.

дамаки, зная, что поляки, усмирившіе возстаніе, готовятъ имъ лютыя казни. Къ тѣмъ же гайдамакамъ уходили и впоследствии въ теченіе XVIII вѣка, всѣ тѣ, которые такъ или иначе бывали виноваты передъ своими панами, т. е. участники мелкихъ и крупныхъ крестьянскихъ движеній. Весьма естественно, конечно, при такомъ составѣ гайдамачества, что имъ съ одной стороны были близки къ сердцу бѣды своей братіи, остававшейся въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, и они всегда готовы были имъ оказать помощь въ борьбѣ съ поляками, съ другой—не менѣе естественно и то, что главнымъ источникомъ ихъ прощталія могъ быть только разбой и грабежъ. Непринимаемые въ Запорожьѣ, гдѣ повидимому свободные запорожцы въ XVIII вѣкѣ вовсе не вольны были увеличивать своихъ рядовъ бѣглыми хлопками, какъ это было раньше, они владѣли вполне нелегальное существованіе, ютясь на границахъ татарскихъ степей въ предѣлахъ Бугогардовской паланки и находясь подъ вѣчнымъ опасеніемъ быть оттуда изгнанными.

При такихъ же условіяхъ существованія и при полномъ отсутствіи организаціи, гайдамаки никоимъ образомъ не могли бы быть преемниками козачества сами по себѣ. Новыми борцами за православіе и русскую народность собственно стали непосредственно сами крестьяне Украины и Брацлавщины. Сами себя при этомъ они никогда не называли гайдамаками, а козаками. Настоящіе же гайдамаки, левенцы, были только ихъ ревностными пособниками, какъ бывали таковыми въ теченіе всего XVIII вѣка и запорожцы, съ которыми цѣны польскіе мемуаристы также смѣшивали гайдамакъ и возставшихъ крестьянъ южной Руси.

Было нѣсколько моментовъ въ теченіе всего XVIII вѣка, когда народный протестъ со стороны самого крестьянства значительно обострялся. Проф. Антоновичъ указываетъ на 1734, 1750 и 1768 года, какъ на такіе моменты¹⁾.

Имѣя въ виду въ настоящей статьѣ заняться {последнею изъ трехъ названныхъ вспышекъ крестьянскаго движенія на

¹⁾ Антоновичъ. Изслѣд. о гайдамачествѣ стр. 100.

Украинѣ въ XVIII вѣкѣ, не можемъ не отмѣтить, что до сихъ поръ возстаніе именно 1768 года считалось наиболѣе уяспеннымъ, благодаря нѣсколькимъ польскимъ мемуарамъ, относящимся къ нему. Между тѣмъ такое заключеніе не совсѣмъ справедливо. Мемуаристы, пишущіе не всегда только о томъ, что ими лично видѣно и слышано, но и томъ, что видѣно и слышано другими, не всегда достовѣрными свидѣтелями, легко впадаютъ въ ошибки, или искажая самыя факты, или давая имъ невѣрное освѣщеніе. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ движенію 1768 года, сохранившему за собой названіе коливщины, все это, какъ увидимъ, именно имѣло мѣсто. Въ такихъ случаяхъ, конечно, лучшимъ ремедиумомъ для возстановленія истины должны являться документальныя данныя объ изслѣдуемой порѣ. Къ такого рода даннымъ въ работѣ нашей мы и постараемся прибѣгнуть и при помощи ихъ, гдѣ это необходимо, исправить и пополнить и свѣдѣнія мемуаристовъ, и заключенія нѣкоторыхъ изслѣдователей интересующаго насъ вопроса, построенныя на односторонне подобранныхъ документальныхъ данныхъ, сдѣлавшихся извѣстными сравнительно раньше.

Хотячія мнѣнія о коливщинѣ — будто центральнымъ ея пунктомъ, затмевавшимъ все остальное, была уманская рѣзня, будто все движеніе сводилось на одну партизанскую войну при отсутствіи въ рядахъ возставшихъ всякой организаціи, будто кровавыхъ дѣлъ въ это движеніе было больше, чѣмъ во всѣ предыдущія народныя движенія, при чемъ звѣрство природы малорусскаго крестьянина исполнѣ дѣлами такими доказано, и, наконецъ, будто движеніе это было очень значительно,—все это именно заключенія на основаніи польскихъ мемуаровъ. Съ другой стороны, утвержденіе нѣкоторыхъ изслѣдователей, будто коливщина была только возстаніемъ для защиты вѣры, а другихъ — будто русское правительство не только сочувствовало этому возстанію, но даже само его и вызвало—все это есть результатъ заключеній, на основаніи односторонне подобранныхъ документальныхъ данныхъ. Не трудно замѣтить, наконецъ, что недостатокъ и неточность матеріаловъ не могли повлечь за собой исполнѣ невѣрныхъ рѣшеній и вопроса о томъ, какъ себя

держали по отношенію къ колівцинѣ запорожцы, и вопроса о томъ, кто такіе были такъ называемые гайдамаки.

Въ настоящее время есть значительная возможность избѣгнуть ложныхъ заключеній на основаніи мемуаровъ и поспѣшныхъ выводовъ изслѣдователей, пользовавшихся слишкомъ однородными документами. Какъ ни мало пока издано матеріаловъ, относящихся къ интересующей насъ порѣ, но все же кой-что издано. Сверхъ того, отъ времени до времени всплываютъ наверхъ и документы, еще ждущіе своего изданія.

Къ числу послѣднихъ принадлежитъ, напримѣръ, книга, заключающая въ себѣ рядъ показаній гайдамакъ и крестьянъ, судившихся за возстаніе 1768 года передъ польской военно-судной комиссіей, засѣдавшей въ Кодпѣ. Книгой этой, обрѣтенной покойнымъ М. А. Максимовичемъ и принадлежащей въ настоящее время профессору Антоновичу, мы между прочимъ имѣли возможность пользоваться при нашихъ занятіяхъ движеніемъ 1768 г. и извлечь изъ нея много мелкихъ культурныхъ и даже политическихъ свѣдѣній, придающихъ, какъ намъ кажется, событіямъ колівцины болѣе опредѣленный характеръ, чѣмъ они могли имѣть на основаніи данныхъ, извѣстныхъ польскимъ мемуаристамъ.

Въ виду сказаннаго списокъ источниковъ даннаго движенія теперь нѣсколько шире, чѣмъ былъ прежде.

Вотъ этотъ списокъ.

1) Bunt hajdamaków na Ukrainie r. 1768 opisany przez Lipromana i dwóch bezimennych wydany z rękopisma przez Eduarda Raczyńskiego. Poznań 1854. Одинъ изъ помянутыхъ безымянныхъ авторовъ, именно послѣдній — есть *Тучанскій*.

2) Уманская рѣзня. Записки Вероники Кребсъ. Перев. съ предисл. И. М. Ревы.

3) Уманская рѣзня. Записка піара *Павла Млодиновскаго*.

4) Pamiętnik do historyi polskiej przez Adama Moszczyńskiego. Poznań. 1863.

5) Описаніе бѣдствія, постигнаго Умань и всю Украину въ 1768 г. Переводъ съ польской рукописи, хранящейся въ институтѣ Оссолинскихъ въ Львовѣ подъ № 163. Кіев. Ст. 1882. кн. 3.